

«Мы можем говорить о гуманизме, только когда помним о центральном месте Иисуса и открываем в Нем черты подлинного человеческого лица. Наша человечность, даже если она раздроблена жизненными трудностями или отмечена грехом, возрождается в созерцании лика Иисуса, умершего и воскресшего».

Папа Франциск

ПАПА ФРАНЦИСК

**«Да будет
Церковь свободной,
распахнутой
вызовам
настоящего
времени
и не занимающей
оборонительную
позицию из страха
потерять что-либо»**

Встреча с участниками V Национальной встречи Церкви в Италии
Кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре, 10 ноября 2015 г.

подготовлено «Общением и освобождением»

Новый гуманизм во Христе Иисусе

Дорогие братья и сестры, купол этого прекрасного кафедрального собора украшает сцена Страшного Суда. В центре изображен Иисус, наш свет. Надпись в верхней части фрески гласит: «*Ecce Homo*» – «*Се, Человек*». Глядя на этот купол, мы устремляемся ввысь и созерцаем, как Христос судим Пилатом, а затем Сам восходит на трон судии. Ангел подносит Ему меч, но Иисус не принимает символов суда; вместо этого Он воздевает правую руку и показывает знаки страстей, потому что Он «предал Себя для искупления всех» (ср. *1 Тим.* 2, 6). «Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (*Ин.* 3, 17).

В свете этого милостивого Судии мы благоговейно преклоняем колени, и наши руки и ноги укрепляются. **Мы можем говорить о гуманизме, только когда помним о центральном месте Иисуса и открываем в Нем черты подлинного человеческого лица.** Наша человечность, даже если она раздроблена жизненными трудностями или отмечена грехом, возрождается в созерцании лика Иисуса, умершего и воскресшего. Мы не должны привыкать к силе Христова лика. Лик есть образ Его трансцендентности, *misericordiae vultus*. Позволим Ему смотреть на нас. Иисус – вот наш гуманизм. Пусть Его вопрос: «А вы за кого почитаете Меня?» (*Мф.* 16, 15) – никогда не оставляет нас в покое.

Что мы видим, вглядываясь в Его лик? Прежде всего, **лицо Бога «униженного», Бога, Который «принял образ раба, смирил Себя, быв послушным даже до смерти»** (ср. *Фил.* 2, 7). Лик Иисуса подобен лицам многих наших братьев, униженных, поработанных, униженных. Бог обрел их лицо. И это лицо взирает на нас. Бог, «бытие, выше которого ничего нельзя помыслить», как говорил святой Ансельм, *Deus semper maior* святого Игнатия Лойолы, умаяясь, постоянно превосходит Себя Самого. И если и мы не умалимся, то не сможем увидеть Его лик. Мы не увидим Его полноты, не приняв тот факт, что Бог унижил Себя Самого. А значит, не поймем ничего о христианском гуманизме, и наши слова будут красивыми, просвещенными, утонченными, но это будут не слова веры, а всего лишь пустой звук.

Я хотел бы сейчас не отвлеченно описать «новый гуманизм», некую человеческую идею, а представить в простоте некоторые черты христианского

вождайте в первую очередь тех, кто оказался на обочине, «хромых, слепых, немых, увечных» (*Мф.* 15, 30). **Где бы вы ни оказались, никогда не возводите стен и не проводите границ, созидайте площади и полевые госпитали.**

Итальянская Церковь нравится мне беспокойной, все более близкой оставленным, забытым, беззащитным. **Я желаю видеть радостную Церковь** с лицом матери, которая понимает, сопровождает, ласкает. Мечтайте и вы о такой Церкви, верьте в нее, **обновляйте ее в духе свободы.** Христианский гуманизм, которым вы призваны жить, радикальным образом утверждает достоинство каждого человека как чада Божия, устанавливает между всеми людьми основополагающее братство, учит понимать работу, обживать творение как общий дом, дает причины для радости и юмора даже среди зачастую очень сложных жизненных обстоятельств.

Хотя в мою задачу не входит говорить вам, как воплотить сегодня эту мечту, позвольте мне предложить вам одно указание на ближайшие годы: в каждой общине, в каждом приходе, в каждой институции, в каждой епархии, в каждом округе, в каждом регионе старайтесь в духе соборности **углублять содержание обращения *Evangelii gaudium*,** чтобы почерпнуть из него практические критерии и привести в исполнение его положения, особенно касающиеся тех трех-четырёх приоритетных задач, которые вы выделите в ходе этой встречи. Я уверен, что вы способны начать творческую деятельность, чтобы конкретным образом изучить обращение. Я уверен, потому что вы представляете собой взрослую Церковь, древнюю в вере, крепкую корнями и богатую плодами. Поэтому творчески подойдите к выражению того гения, которого столь несравненно описывали ваши великие сыны, от Данте до Микеланджело. **Верьте в гений итальянского христианства,** которое есть достояние не отдельных людей, не элиты, а общины, народы этой необыкновенной страны.

Препоручаю вас Марии, которую здесь, во Флоренции почитают как «святейшую Аннунциату». На одной из фресок, написанных в одноименной базилике, куда я в скором времени направлюсь, ангел безмолвствует, а Мария говорит: «*Ecce ancilla Domini*» – «*Се, раба Господня*». В этих словах – все мы. Пусть вся итальянская Церковь произносит их вместе с Марией. Спасибо.

переведено «Общением и освобождением»

Кроме того, помните, что наилучший способ вести диалог не связан с говорением и спорами, нужно делать что-либо вместе, созидать вместе, вместе осуществлять проекты: не в одиночку, силами одних только католиков, а вместе со всеми людьми доброй воли.

Не бойтесь совершить **исход, необходимый для любого подлинного диалога. Без него невозможно ни понять доводы другого, ни осознать, что брат значит куда больше, чем взгляды, представляющиеся нам далекими от наших, пусть даже истинных, убеждений. Он брат.**

Однако Церковь должна также уметь **четко отвечать на угрозы**, возникающие в ходе публичных дискуссий: **это одна из форм особого вклада верующих в созидание единого для всех общества. Верующие являются гражданами.** И я говорю это здесь, во Флоренции, где искусство, вера и гражданственность всегда существовали в динамическом равновесии между обличением и предложением. Нация не музей, а коллективное дело, находящееся в состоянии постоянного созидания и требующее от нас собрать воедино именно то, что нас различает, включая политическую и религиозную принадлежность.

Я взываю прежде всего к вам, «юноши, потому что вы сильны», как писал апостол Иоанн (1 Ин. 2, 14). **Молодые люди, преодолевайте апатию. Никто да не пренебрегает вашей юностью**, но учитесь быть образцом в слове и в действии (ср. 1 Тим. 4, 12). Прошу вас, будьте строителями Италии, работайте ради созидания лучшей Италии. **Пожалуйста, не смотрите на жизнь со стороны**, вовлекайтесь, погружайтесь в широкий общественный и политический диалог. Пусть руки вашей веры возносятся к небу, но при этом возводят город, основанный на отношениях, фундаментом которых является любовь Божия. **Так вы сможете свободно принимать вызовы настоящего**, переживать изменения и преобразования.

Можно было бы сказать, что сегодня мы переживаем не столько эпоху перемен, сколько перемену эпохи. Ситуации, в которых мы оказываемся сегодня, ставят перед нами новые вызовы, которые нам порой трудно даже понять. **Наше время требует от нас переживать проблемы как вызовы, а не как препятствия: Господь действует в мире.** Поэтому выйдите на улицы и пойдите на распутья и зовите всех, кого найдете, без исключения (ср. Мф. 22, 9). Сопро-

гуманизма, основанного на «чувствованиях Христа Иисуса» (Фил. 2, 5). Это не абстрактные преходящие ощущения души, а горячая внутренняя сила, делающая нас способными жить и принимать решения.

Каковы эти чувствования? Сегодня мне хотелось бы остановиться по крайней мере на трех из них.

Первое чувствование – **смирение**. «По смиреномудрию почитайте один другого высшим себя» (Фил. 2, 3), – говорит святой Павел филиппийцам. Чуть дальше апостол утверждает, что **Иисус «не почитал хищением быть равным Богу»** (Фил. 2, 6). Его слова имеют для нас ясный смысл. Мы не должны одержимо заботиться о том, как сохранить собственную славу, собственное «достоинство», собственную влиятельность. Нужно стремиться к славе Божией, а она не совпадает с нашей славой. Слава Божия, смиренно озаряющая вифлемецкую пещеру или бесчестие Креста Христова, всегда нас удивляет.

Еще одно чувствование Иисуса, образующее христианский гуманизм, – это **бескорыстие**. «Не о себе [только] каждый заботься, но каждый и о других» (Фил. 2, 4), – призывает все тот же святой Павел. Следовательно, мы должны искать даже не столько бескорыстия, сколько счастья того, кто находится рядом с нами. Человечность христианина должна все время устремляться за собственные пределы. **Она не нарциссична, не сосредоточена на себе.** Когда наше сердце богато и довольно самим собой, в нем нет уже больше места Богу. **Прошу вас, давайте не будем «закрывать в структурах, дающих ложное чувство безопасности, в правилах, превращающих нас в неумолимых судей, в успокоительных традициях» (Evangelii gaudium, 49).**

Наш долг – трудиться, чтобы сделать этот мир лучше, и бороться. Наша вера, побуждаемая Духом Святым, революционна. Мы должны следовать за этим побуждением, чтобы выйти за пределы самих себя, чтобы быть людьми согласно Евангелию Иисуса. Решающую роль в любой жизни играет способность к самоотдаче. Именно так она превосходит саму себя и становится плодотворной.

Последнее чувствование Иисуса Христа – **блаженство**. Христианин – блаженный, человек, имеющий в себе евангельскую радость. В проповеди о блаженствах Господь указывает нам путь. Продельывая его, мы, люди, сможем

достичь счастья, в наивысшей степени человеческого и божественного. Иисус говорит о счастье, которое доступно нам, только если являемся нищими духом. Для великих святых блаженство связано с униженностью и нищетой. Но и в самых простых людях есть немало от этого блаженства: оно дано тем, в ком изобилует солидарность, кто умеет делиться с другими даже скромным имением, кто наделен богатством повседневной жертвы на работе, возможно, тяжелой и низкооплачиваемой, но выполняемой из любви к близким; наконец, оно дано тем, у кого полно невзгод, которые, когда их переживаешь в доверии провидению и милосердию Бога Отца, подпитывают смиренное величие.

Блаженства, о которых мы читаем в Евангелии, начинаются с благословения и завершаются обещанием утешения. Они ставят нас на путь возможного величия – величия духовного, а когда дух готов, остальное свершается само собой. Конечно, **если наше сердце не открыто Духу Святому, блаженства покажутся нам глупостью, ведь они не ведут нас к «успеху».** Чтобы нам быть «блаженными», чтобы наслаждаться утешительной дружбой с Иисусом Христом, необходимо иметь открытое сердце. Блаженство есть тяжкий труд, полный самоотречения, слушания, познания, плоды его созревают со временем, одаривая нас несравненным миром: «Вкусите и увидите, как благ Господь!» (Пс. 34, 9).

Смирение, бескорыстие, блаженство – вот три черты, которые я хочу представить вам в рамках размышления о христианском гуманизме, что рождается от человечности Сына Божия. Они важны и для Церкви в Италии, собравшейся сегодня, чтобы идти вперед в духе соборности. Эти черты говорят нам, что мы не должны быть одержимы «властью», даже когда она представляется полезной и необходимой для социального служения Церкви. Если Церковь не живет чувствованиями Иисуса, она сбивается с пути и теряет смысл. И напротив, живя ими, она способна существовать на высоте своей миссии. Чувствования Иисуса говорят нам о том, что Церковь, думающая о самой себе и о собственных интересах, весьма уныла. Наконец, блаженства – зеркало, в которое нам следует смотреться, чтобы понять, в правильном ли направлении мы движемся, потому что зеркало это не лжет.

Если Церкви присущи три черты – смирение, бескорыстие и блаженство, она в состоянии распознать действие Господа в мире, в культуре, в повседневной

брошенных младенцев и отчаявшихся матерей. Часто такие матери оставляли с новорожденными половинку медальона в надежде на то, что это поможет им узнать своих детей в лучшие времена. Вот и мы должны представить, будто у наших бедных есть одна половинка медальона, а вторая – у нас. У матери Церкви в Италии есть половинка медальона каждого человека, и она узнает всех своих детей, оставленных, угнетенных, измученных. Исполнен века это одна из ваших добродетелей, ведь, как вам известно, Господь пролил Свою кровь не ради некоторых, не ради многих или немногих, а ради всех.

Особым образом призываю вас быть способными к диалогу и встрече. Не следует путать диалог и переговоры. В переговорах каждый пыгается урвать свой «кусочек» от общего пирога. Я же говорю не об этом. Нужно искать общего блага для всех. Вместе обсуждать, думать о наилучших решениях для всех. Нередко встреча перерастает в конфликт. В диалоге возникает конфликт: это логично и предсказуемо, и не стоит его бояться или игнорировать, необходимо его принимать. «Согласиться терпеть конфликт, разрешать его и трансформировать в связующее звено в новом процессе» (*Evangeliū gaudium*, 227).

Мы должны всегда помнить, что не существует истинного гуманизма, который бы не рассматривал любовь как связующее звено в любых отношениях, будь они межчеловеческой, интимной, общественной, политической или интеллектуальной природы. На этом основывается необходимость диалога и встречи, позволяющих вместе с другими созидать гражданское общество. Мы знаем, что **лучший ответ на конфликтную суть человека из знаменитого выражения Томаса Гоббса «*homo homini lupus*» заключается в «*Ecce Homo*» Иисуса, Который не обвиняет, а принимает и спасает, лично платя за искупление.**

Итальянское общество создается, когда его различные культурные богатства: народное, академическое, молодежное, художественное, технологическое, экономическое, политическое, средств массовой информации – могут вступать в конструктивный диалог. Пусть Церковь будет закваской диалога, встречи, единства. В конце концов, сами формулировки нашей веры являются плодом диалога и встречи между различными культурами, общинами и инстанциями. Мы не должны бояться диалога, более того, **именно сопоставление мнений и критика помогают нам предотвратить переход от теологии к идеологии.**

стороны в сторону, и, чтобы не упасть, он опирался на окружающих. Так он подумал, что епископу помогает устоять на ногах не только молитва, но и его народ.

Пусть ничто и никто не отнимет у вас радость от того, что ваш народ поддерживает вас. Как пастыри будьте не проповедниками сложных доктрин, а возвестителями Христа, умершего и воскресшего ради нас. **Указывайте на самую суть, на керигму. Нет ничего более основательного, глубокого и надежного, чем эта весть.** Но пусть также и весь народ Божий провозглашает Евангелие – я имею в виду, и народ, и пастырей. Я говорил об этой пастырской заботе в *Evangelii gaudium* (см. п. 111–134).

Всей итальянской Церкви я советую то, на что указал в этом апостольском обращении: включайте в общественную жизнь бедных, которым принадлежит избранное место в народе Божьем, стремитесь ко встрече и диалогу, чтобы способствовать социальной дружбе в вашей стране и искать общего блага.

Выбор в пользу бедных есть «особая форма первенства в осуществлении христианского милосердия, о чем свидетельствует вся традиция Церкви» (Иоанн Павел II. *Solllicitudo rei socialis*, 42). Этот выбор «неотрывно связан с христологической верой в Бога, обнищавшего ради нас, дабы обогатить нас Своей бедностью» (Бенедикт XVI. *Выступление на открытии V Генеральной конференции епископата стран Латинской Америки и Карибского бассейна*). Бедным хорошо известны чувствования Иисуса Христа, они по опыту знают Христа страдающего. «Мы призваны открыть в бедных Христа, возвысить наш голос в их защиту, но также стать им друзьями, слушать, понимать, принимать таинственную мудрость, которую Богу угодно сообщить нам через них» (*Evangelii gaudium*, 198).

Да защитит Бог итальянскую Церковь от любого суррогата, связанного с властью, имиджем или деньгами. Евангельская нищета обладает творческим потенциалом, умеет принимать и поддерживать, она полна надежды.

Мы находимся во Флоренции, городе красоты. И как много красоты в этом городе поставлено на службу милосердной любви! В голову приходит, например, *Spedali degli Innocenti* – больница «Приют невинных». Одно из первых архитектурных творений Возрождения было создано, чтобы принимать

жизни людей. Я неоднократно говорил и повторю и сегодня для вас: **«Пусть лучше Церковь будет избитой, изувеченной и испачканной грязью из-за того, что смогла выйти на улицу, чем Церковью, заболевшей из-за закрытости и эгоистичной привязанности к собственной безопасности. Не хочу Церкви, заботящейся о том, чтобы быть центром и в итоге запутавшейся в клубке страстей и судебных разбирательств»** (*Evangelii gaudium*, 49).

Однако, как нам известно, существуют и искушения, мы сталкиваемся со множеством искушений. Я остановился по крайней мере на двух. Не пугайтесь, я не буду зачитывать целый список, как тот, что я огласил в Курии, из пятнадцати пунктов!

Первое искушение связано с пелагианством. Оно побуждает Церковь не быть смиренной, бескорыстной и блаженной, и делает это, прикрываясь благими намерениями. Пелагианство **ведет к тому, что мы начинаем доверяться структурам, организации, отвлеченным, а потому безупречным программам.** Нередко из-за него мы строим наш стиль поведения на контроле, суровости и нормативности. Норма дает пелагианину уверенное чувство превосходства, правоты его действий. В ней, а не в легком веянии Духа, он черпает свои силы. Перед лицом изъянов и проблем Церкви **бессмысленно искать решения в любом типе консерватизма или фундаментализма, в восстановлении былых форм и нравов, которые даже в культурном отношении уже не могут быть состоятельными.** Христианская доктрина не закрытая система, не способная порождать вопросы и сомнения, это нечто живое, она умеет волновать, воодушевлять. В ее лице нет непреклонности, ее тело подвижно и постоянно развивается, у нее нежная плоть: **имя христианской доктрине – Иисус Христос.**

Реформе Церкви – а Церковь есть *semper reformanda* – чуждо пелагианство. Она не ограничивается очередным планом по изменению структур. Реформа означает, что необходимо **прививаться ко Христу, укореняться в Нем, позволяя Духу вести нас. В таком случае, благодаря гению и творческой силе, будет возможно что угодно.**

Пусть итальянская Церковь позволит Его мощному, а потому порой тревожному дуновению вести себя. Да наследует она все больше дух своих великих

первооткрывателей, которые страстно направляли корабли в открытое море, не боясь ни границ, ни бурь. **Да будет она свободной Церковью, распахнутой вызовам настоящего времени и не занимающей оборонительную позицию из страха потерять что-либо.** Да не занимает она никогда оборонительную позицию из страха потерять что-либо. А встречая на своем пути людей, да уподобляется святому Павлу, говорившему: «Для немощных я был как немощный, чтобы приобрести немощных. **Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых**» (1 Кор. 9, 22).

Второе искушение, которое надлежит победить, – гностицизм. Он заставляет нас полагаться на логические и ясные рассуждения, в которых, однако, забывается нежная плоть братьев. Привлекательность гностицизма есть привлекательность «замкнутой в субъективизме веры, когда человека интересует лишь определенный опыт или набор идей и знаний, которые вроде бы должны ободрять и просвещать, но, в конце концов, запирают субъект в тюрьму имманентности собственного разума и чувств» (*Evangeliū gaudium*, 94). Гностицизму не доступно трансцендентное.

Разница между христианской трансцендентностью и любой другой формой гностического спиритуализма заключается в **тайне Воплощения.** Не осуществлять Слово, не вводить его в реальность – значит строить на песке, оставаться в рамках чистой идеи и вырождаться в интимизме, не приносящем плода.

У итальянской Церкви есть великие святые, от Франциска Ассизского до Филиппо Нери, чей пример может помочь ей переживать веру смиренно, бескорыстно и радостно. Но можно вспомнить и о простоте вымышленных персонажей, таких как дон Камилло с его антагонистом Пеппоне. Меня поражает, что в рассказах Гуарески молитва настоятеля всегда соединяется с явной близостью к народу. Дон Камилло говорил о себе: «Я бедный деревенский священник, который знает всех своих прихожан, который их любит, которому известны их муки и радости, который умеет страдать и смеяться вместе с ними». Близость к народу и молитва – вот ключ к христианскому гуманизму, народному, смиренному, щедрому, радостному. Утратив связь с верным народом Божиим, мы лишимся человечности и ни к чему не придем.

«Так что же нам тогда делать, отче?» – спросите вы. О чем нас просит папа?

Вам решать: народу и пастырям вместе. **Я сегодня просто призываю вас поднять глаза и еще раз посмотреть на *Ecce Homo*,** что находится у нас над головами. Давайте взглянем в эту сцену. Вернемся к Иисусу, Который здесь изображен как Судия мира. Что случится, когда «придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним и сядет на престоле славы Своей» (ср. Мф. 25, 31)? О чем говорит нам Иисус?

Представим, что сказал бы каждому из нас и всей итальянской Церкви Иисус, изображенный над нашими головами. Он мог бы сказать: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25, 34–36).

Но Он мог бы также сказать: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня» (Мф. 25, 41–43).

Блаженства и описание Страшного Суда, которое мы только что прочитали, помогают нам жить христианской жизнью на уровне святости. Это немногие слова, простые и в то же время практичные; это два столпа: блаженства и описание последнего Суда. Да дарует нам Господь благодать, чтобы мы могли понять Его послание! **Давайте еще раз взглянем в черты лица Христова, в его жесты.** Увидим, как Иисус ест и пьет с грешниками (Мк. 2, 16; Мф. 11, 19); понаблюдаем за Ним в разговоре с самарянкой (Ин. 4, 7–26); подсмотрим за Его ночной встречей с Никодимом (Ин. 3, 1–21); с любовью насладимся сценой, в которой блудница умащает Его ноги (ср. Лк. 7, 36–50); ощутим, как Его слюна исцеляет нас от косяноязычия (Мк. 7, 33); изумимся «любви всего народа», окружающего Его учеников, то есть нас, и испытаем их «веселие и простоту сердца» (Деян. 2, 46–47).

У епископов я прошу быть пастырями. Ничего больше: просто будьте пастырями. «Я пастырь» – да будет это вашей радостью. Народ, ваша паства, поддержит вас. Недавно я прочитал рассказ одного епископа о том, как он ехал в метро в час пик. Людей было очень много, и он не знал, за что ухватиться. Его толкали из